

Глава 30

У Чжоу-гэра был небольшой огород на западной окраине деревни. Семья жила в основном за счет продажи овощей, поэтому он ухаживал за грядками с особым рвением.

Чжао-гэр, ведя за руку Гуай-цзая, сначала заглянул к тётушке Лю, но, узнав, что хозяйина дома нет, пришел сюда.

Увидев гостя, Чжоу-гэр удивился:

— Чжао-гэр? Что привело тебя сюда?

Малыш, прижимая ладошку к груди, с любопытством озирался по сторонам. Папа ободряюще похлопал его по плечу, и кроха спросил:

— Дядя Чжоу, а где Лю-лю?

— Вон там, — тот указал рукой вдаль.

Чуть ниже сушильного тока раскинулся просторный ровный пустырь — излюбленное место деревенской детворы.

Гуай-цзай вскинул голову и с надеждой посмотрел на родителя. Чжао-гэр улыбнулся:

— Иди, поиграй.

— Спасибо, папа!

Чжоу-гэр, глядя, как мальчик, спотыкаясь, со всех ног мчится к пустырю, невольно усмехнулся:

— Что это с ним сегодня? Раньше ведь ни на шаг от тебя не отходил.

— Муж купил ему сладостей. Гуай-цзай сказал, что обязательно должен поделиться с Лю-лю, вот и потащил меня сюда.

Засахаренные фрукты стоили недешево, и то, что Фан Цзычэнь не поскупился на них, заставило Чжоу-гэра вздохнуть:

— Твой муж так добр к нему... Совсем как к родному.

Чжао-гэр промолчал, но в душе согласился. Фан Цзычэнь и впрямь заботился о ребенке.

Несколько лет назад вдова Мэн из деревни Сяожун вышла замуж за местного Лю Гоуцзы. Тот с пасынком не церемонился: то бил, то ругал, а еды и вовсе почти не давал. Чжао-гэр не раз проходил мимо их двора и слышал, как мужчина поносил ребенка на чем свет стоит. Кричал, что семя не его, что вырастет — родным не станет, и вообще, мол, завел себе обузу, чужого сына кормить.

Стоило семье Лю купить хоть кусок мяса, как мальчишку тут же выставляли за дверь, чтобы и крошки не досталось. То ли дело Фан Цзычэнь: живет в развалюхе, в доме ни одной приличной лавки, но едва в кармане заводятся деньги, он тут же тащит домой вкусности и никогда не ворчит, что Гуай-цзай слишком много ест.

***

На пустыре собралось человек восемь-девять детей, увлеченно лепивших из грязи домики. Лю-лю стоял в сторонке и просто наблюдал.

Деревенские ребята часто обходили их стороной. Семья тётушки Лю была бедна, а Гуай-цзай, пока жил в доме Ма, и вовсе считался кем-то вроде раба. Оба ребенка принадлежали к низшему сословию, и «средний класс» вместе с «богачами» закономерно их отвергали.

Мальчик подбежал к другу, его щечки покраснелись от быстрого бега.

— Лю-лю!

Тот просиял и поспешил навстречу:

— Гуай-цзай! Ты пришел!

— Я принес тебе кое-что очень хорошее, — зашептал малыш.

Прижимая руку к груди, он завел товарища за дерево и, убедившись, что никто не смотрит, достал заветный сверток из промасленной бумаги.

Лю-лю никогда раньше не видел таких сладостей:

— А что это?

— Это вкусно! — уверенно заявил Гуай-цзай.

Утром, перед уходом, Фан Цзычэнь отдал Чжао-гэру две штуки, и теперь в свертке оставалось всего три засахаренных плода.

— Держи один. Он очень сладкий!

Друг с сомнением принял угощение, но стоило ему отправить плод в рот, как глаза его округлились.

— И правда, сладкий!

— Угу! Отец купил, — кроха аккуратно завернул оставшиеся два плода и спрятал их за пазуху.

В этот момент за их спинами раздался грубый голос:

— Что это вы там едите?

Это был младший сын Ма Эрчжу, крепкий восьмилетний паренек. Гуай-цзай едва доставал ему до груди. В доме семьи Ма этот задира не раз поколачивал его, поэтому ребенок невольно съежился от страха. Он опустил голову и инстинктивно прижал руку к груди:

— Ни... ничего мы не едим.

— Врешь! Я по запаху чую. А ну, выкладывай, что спрятали!

Малыш молчал. Лю-лю хотел было заступиться за друга, но Ма Сяошунь грубо оттолкнул его и вцепился в одежду Гуай-цзая:

— Под рубахой прячешь? Ах ты, маленький выродок, врать мне вздумал? А ну, отдавай!

— Не отдам!

От сильного рывка Гуай-цзай пошатнулся и едва не упал. Лю-лю не мог стоять и смотреть, как обижают его товарища, и изо всех сил толкнул обидчика, пытаясь заставить его разжать руки.

Но Ма Сяошунь был куда сильнее и крупнее. Лю-лю не смог сдвинуть его с места, зато сам получил ответный толчок и повалился в пыль.

— Лю-лю!

Даже у самого смиренного человека есть предел терпению. Гуай-цзай разозлился. Он выкрикнул

своей боевой клич и, сжав крошечный кулачок, молниеносно нанес удар в живот задиры:

— Ультрамен-мен бьет монстров~ бьет монстров~

Ма Сяошунь на мгновение опешил. Он никак не ожидал, что этот «выродок», которого он привык безнаказанно задирать, посмеет дать отпор. Придя в себя от боли в животе, он взревел:

— Ты, паршивец, ударить меня вздумал?!

Одним рывком он повалил ребенка на землю, оседлал его и принялся яростно рвать на нем одежду:

— Еще и прячешь что-то? Вот я тебя сейчас проучу!

Гуай-цзай отчаянно извивался, пытаясь перевернуться на живот и закрыть грудь, лишь бы не дать противнику добраться до своего сокровища.

Лю-лю тем временем вскочил и бросился за подмогой. Когда Чжао-гэр прибежал на место, одежда на его сыне была почти разорвана. Крохотный человечек свернулся калачиком на земле, а Ма Сяошунь продолжал осыпать его бранью и пинками:

— Отдавай, кому говорю! А не то еще получишь!

***

Когда Фан Цзычэнь вернулся домой, он сразу почувствовал неладное.

Ворота были распахнуты, но во дворе стояла непривычная тишина. Лишь подойдя ближе к дому, он услышал тихие, прерывистые всхлипы.

Звук доносился из спальни. Ворвавшись в комнату, он увидел Гуай-цзая — тот сидел на краю кровати, сжавшись в комочек и низко опустив голову, и тихонько рыдал. Чжао-гэр сидел перед ним на корточках.

— Что случилось?

Малыш поднял голову. Его глаза, полные слез, сияли от обиды. С трудом сдерживая рыдания, он позвал:

— Отец...

Кожа на тыльной стороне его ладони была содрана, в саднившую ранку забился мелкий песок. Волосы были всклокочены, а новая одежда, которой ребенок так дорожил, была грязной, измятой и покрытой следами от чужих ног.

— Его избили, — произнес Чжао-гэр, и в его глазах тоже стояли слезы. Он вкратце рассказал о случившемся.

— ...

Фан Цзычэнь не знал, что и сказать. Он сам только что в городе втирал высокомерных юнцов в землю, а в это время его сына в деревне точно так же втирали в пыль. Неужели это и есть возмездие?

Чжао-гэр вышел за водой. Фан Цзычэнь подтянул табурет и сел перед Гуай-цзаем.

— Сильно болит?

— Угу, — малыш понурился, его ручонки мелко дрожали от боли.

Фан Цзычэнь осторожно взял его за запястье и подул на рану:

— Зачем же ты полез в драку?

— Он хотел отобрать... А я не отдал, вот он и ударил, — всхлипнул Гуай-цзай, и лицо его искажилось от горькой обиды.

Отец опешил. У ребенка ведь и игрушек-то не было, что такого Ма Сяошунь мог у него отнимать?

Не успел он спросить, как малыш другой рукой, той, что пострадала меньше, выудил из-за пазухи измятый сверток и протянул ему:

— Отец, на...

— Сладости?

— Угу, — кивнул Гуай-цзай.

— Зачем ты мне их отдаешь? — Фан Цзычэнь развернул бумагу. Внутри лежали два последних плода, раздавленных и потерявших форму. — Почему ты даешь их мне? Я ведь не ем сладкое.

— Вкусно, — прошептал мальчик. — Очень-очень сладко. Папа ел, я ел... и отец тоже должен.

У Фан Цзычэня странно защемило в груди. В свои восемнадцать он был полон юношеского жара, умел сострадать слабым, негодовал на несправедливость и был готов на всё ради друзей, но отцовские чувства были ему пока неведомы.

Однако сейчас, слушая Гуай-цзая, он почувствовал, как к глазам подступает влага.

— Папа сказал, что ты дал ему две штуки, мне две и Лю-лю одну. Получается, ты сам съел всего одну?

— Да.

— И тебе не жалко?

Малыш взглянул на сладости в руках отца и быстро отвел взгляд:

— Я маленький, мне и одной хватит. А отец большой, ему нужно много-много.

Вошел Чжао-гэр с тазом воды. Он осторожно обтер руку сына и начал иголкой вычищать соринки из раны.

Это было больно, но Гуай-цзай не проронил ни звука. Лишь крупные слезы градом катились по щекам, и он тихонько всхлипывал, а когда становилось совсем невмоготу — едва слышно втягивал воздух сквозь зубы.

Фан Цзычэнь ничем не мог помочь и лишь беспокойно твердил под руку:

— Чжао-гэр, полегче... Ох, смотри, он плачет, будь еще осторожнее.

Супруг молчал, но когда тот завел свою песню в очередной раз, просто протянул ему иголку:

— Может, сам попробуешь?

Стоило ему коснуться раны, как рука Гуай-цзая дернулась. Сердце Чжао-гэра обливалось кровью, и у него самого уже едва хватало духу продолжать.

Фан Цзычэнь замахал руками:

— Нет-нет, лучше ты!

Иголка была такой крохотной... Если он возьмется за дело, то наверняка наделает в руке сына лишних дырок.

Наконец с обработкой было покончено. Глаза Гуай-цзая совсем опухли от слез. Отец принялся его уговаривать:

— Поспи немного, ладно? Проснешься — и болеть уже не будет.

Мальчик кивнул и тоненько, по-детски отозвался:

— Угу.

Фан Цзычэнь присел, чтобы снять с него обувь. Крохотная ножка помещалась у него на ладони, белая и нежная, а пальчики были такими круглыми, словно это пять аккуратно скатанных рисовых шариков, выстроившихся по росту.

Гуай-цзай пошевелил пальцами, щекоча ладонь. Фан Цзычэнь облизнулся и начал изображать монстра:

— Ой-ой-ой! Какие беленькие свиные ножки! Так и хочется откусить кусочек!

Малыш попытался отдернуть ногу, но его держали крепко. Видя, как отец, разинув рот, медленно приближается, он вмиг забыл и про обиды, и про боль.

— Ножки воню-ючие! Монстрам нельзя их кусать! Папа, спасай! — заливаясь смехом, закричал он.

— Да неужели? — Фан Цзычэнь принюхался и тут же в ужасе зажал нос рукой. — Черт, ну и запах! Всё, меня сейчас стошнит! Бе-е-е!

Он картинно согнулся, делая вид, что его и впрямь мутит от зловония.

Гуай-цзаю эта игра пришлась по душе. Хохоча, он принялся тыкать пятками прямо в лицо отцу, задорно выкрикивая:

— Пусть монстр умрет от вони! Умри от вони!

— О нет, только не это!

Мужчина вскочил, пошатнулся и рухнул на кровать, изобразив предсмертные конвульсии:

— Всё... Монстр повержен... Ультрамен снова победил...

Мальчик подполз к нему и, уткнувшись в грудь, не переставал смеяться.

Чжао-гэр, стоя во дворе, слышал их возню. Только что ребенок безутешно плакал, а теперь снова вовсю резвится. На душе у него стало спокойнее.

Гуай-цзай был еще совсем мал, и обиды быстро выветривались из его головы. Наигравшись, он вскоре уснул безмятежным сном.

Он лежал, сложив маленькие кулачки возле головы. Убедившись, что сын не придавил раненую руку, Фан Цзычэнь тихо поднялся и вышел из комнаты.

<http://bllate.org/book/15357/1422153>